

ЭТОТ МАЛЕНЬКИЙ УЮТНЫЙ МИР

За витой чугунной оградой – яблоневый сад, в саду – знакомый до боли четырехэтажный дом с тремя подъездами и острой крышей, фронтоном которой украшен небольшим каменным рельефом – нагая ведьма скачет на козле, над ней звезды, Солнце и Луна. Дверь в подъезд почему-то не заперта. Поднялся по освещенной приятным оранжевым светом лестнице, постучал.

Кармела открыла сразу, как будто стояла за дверью. Схватила меня за руки, втянула в квартиру и захлопнула входную дверь.

Ее лицо и шея окрашивались то густым красным, то зеленым – в коридоре висели несколько медленно вращающихся люстр с цветными абажурами.

– Ты? Родной мой! Я знала, что ты придешь! Ждала тебя все эти годы! Проходи, не бойся, тут никого нет, только ты и я. Обними меня!

Все та же женщина. В том же небрежно распахнутом китайском шелковом халате с багровыми драконами. Несколько новых морщинок на шее, седые пряди, усталые глаза больше не блестят. Маленькие породистые руки – как будто стали еще меньше. Фигура не изменилась. И пахнет теми же дурманящими духами. С примесью нардового масла.

...

Мы расстались двадцать лет назад и с тех пор виделись только один раз.

Я приезжал тогда в город К., чтобы закончить одно мучающее меня дело, отдать старый долг. Остановился в отеле напротив Оперного театра. Вечером, после хвойной ванны и двух рюмок лимонной водки позвонил ей... наугад... не знал, зачем звоню, что хочу от бывшей жены, боялся нарваться на упреки или нытье, был уверен, что Кармела живет в нашей старой квартире с новым мужем, а меня или презирает, или ненавидит, или, в лучшем случае, знать не хочет, как все оставленные жены.

Но она ответила неожиданно нежно, позвала к себе... и я тут же забыл нашу ссору, обиду, развод... и побежал к ней, задыхаясь и горя внезапно вспыхнувшей страстью, как молодой любовник бежит, изнемогая от нетерпения, к пригласившей его после года тайных домогательств на интимное свидание светской львице, прелой, пышногрудой даме, пресытившейся богатыми пожилыми поклонниками и решившей для разнообразия пригласить в постель неоперившегося юнца. Бежит, забыв о слезах матери и о каменном лице отца, о возможной потере доброй репутации, забыв о той, еще невинной, которую любил с школьной поры и с которой собирался создать семью и прожить всю жизнь.

Кармела встретила меня тогда радостной улыбкой, поцеловала в нос...

Потом мы танцевали под ее любимую мелодию («Такая ночь» Доктора Джона) и, не спеша, как стриптизерши, раздевались.

После любви лежали обнявшись и Кармела монотонно и многословно рассказывала мне о том, кто разорился, кто разбогател, кто уехал, кто на ком женился и кто с кем развелся за то время, что меня не было в городе. После второго приступа страсти, длящегося значительно дольше первого, я заснул и мне приснилось, что я медленно плыву в море и вот... на горизонте появляется как бы из ничего огромная пенящаяся волна, цунами...

Я изо всех сил пытаюсь выйти на берег и убежать от волны, но не могу... и она настигает меня, ломает и плющит своей тяжестью мое тело.

Проснулся потный от страха и с болью в спине около половины третьего ночи.

Переборол страх, встал, собрал одежду, раскиданную второпях по спальне, оделся в коридоре и пошел к себе в отель.

По дороге вспоминал нашу ссору...

Было это поздней осенью, по стволам яблонь сочилась ледяная вода, голые ветки печально подрагивали, ветер гонял по тротуару мокрые опавшие листья... ночной город гудел пустотой, беззвучно стреляя в низкое темно-желтое небо влажными воздушными снарядами. Напоминал огромную декорацию к черно-белому фильму ужасов, декорацию, готовую материализоваться в настоящий город кошмаров и чудовищ. Из темных окон на меня пристально смотрели синие женщины с рубиновыми глазами.

...

И вот, я опять здесь, в этом доме в яблочном саду, в нашей бывшей квартире.

Моя постаревшая жена обнимает меня, прижимается ко мне мягкой грудью, благоговейно и томно заглядывает в глаза...

Мы лежим на той кровати, которую когда-то купили и собрали, и наши тела уже начали тот сладостный диалог, который в течение пятилетней совместной жизни ни разу не кончился разочарованием.

И вновь... как когда-то... пространство перестало быть пустотой, заполненной хламом, а время – назойливым буксиром, толкающим наши тела в сторону кладбища. И будущее перестало представляться грязным тупиком, а стало похоже на прогулку в ясный безветренный летний день по секвойному лесу на севере Калифорнии.

Перед самым концом Кармела еле слышно прошептала: Хочешь кончить мне в рот?

Я отлепился от нее, она двинулась мне навстречу и... нам удалось не проронить ни капли любовного сока на простыню.

Синие женщины на улице истоиво распевали знаменитый хорал «Аллилуйя».

...

Моя первая выставка в городе К. состоялась в культурном центре Лемхауза.

Официальным организатором этой выставки была Кармела Ц., референт городского управления культуры. Женщину эту я не знал, видел ее только несколько раз мельком. Заметил, что у нее печальные глаза, что она как-то особенно ходит и говорит. Не ходит, а ускользает. Не говорит, а роняет слова как капли.

Бедняжка! За тридцать минут до открытия – она все еще не имела официального разрешения на проведение выставки от директора Лемхауза, противного и пошлого толстяка. Директор подписал бумагу только после того, как Кармела сделала ему, против воли, в двадцатый раз – глазки, превозмогая отвращение, потрясла бюстом и обещала своим капельным голосом «близкое сотрудничество в будущем». Еще через несколько минут (публика уже волновалась у входа) выяснилось, что электричество в той части здания, где были развешаны мои картины, отключено. Пришлось искать электрика, который успел укатить на своем двухместном рено в недавно купленное им в кредит бунгало в Рудных горах, в тридцати километрах от города.

Кто-то подал идею – провести вернисаж при свечах.

Свечи нашлись... но вдруг появился пожарник и заявил, что такой альбтраум, как сотни зажженных свечей в залах с деревянными стенами, полами и потолком, он разрешить не может. Кармела умоляла его, уверяла, что все будет хорошо, даже заплакала, но он был непреклонен. Тогда какая-то светлая голова вспомнила, что в юности пожарник был влюблен в прелестную Изабеллу М.. Ей позвонили, объяснили ситуацию, попросили сейчас же приехать. Изабелла согласилась, тут же прикатила на своем белом ауди и побеседовала с пожарником. В результате первые сорок минут вернисажа горели свечи, а потом загорелся и электрический свет.

...

Вернисаж удался на славу.

Я был горд, возбужден и очарован вниманием публики, состоящей из дам разного возраста и общественного положения, любителей современного искусства, и их скучающих мужей и детей.

Музыканты обворожили публику виртуозной игрой на ударных инструментах, во вступительной речи приглашенный искусствовед назвал меня «прибывшим к нам с Востока инженером таинственных метафизических конструкций», пива и сосисок хватило на всех, я дал два интервью для местной прессы, три моих работы купили, кроме того я получил предложение устроить выставки в Дрездене, Берлине и Вене, а также несколько приглашений в гости к коллекционерам. Всем этим я остался очень доволен и даже начал немножко важничать. Вдобавок Кармела упросила меня дойти с ней после окончания вернисажа от Лемхауза до универмага Титц пешком. Чтобы по дороге насладиться ароматом сирени... послушать соловьев... и поближе познакомиться. И еще она хотела, чтобы я объяснил ей скрытый смысл некоторых моих работ. Смысл, которого не было.

И вот... мы шли по бульвару. Теплым майским вечером.

Прошли почти три километра. Обсудили и скрытый смысл моих картин и еще тысячу других вещей, не менее важных, вошли в городской парк, в ту его часть, где похоронены погибшие во время наполеоновских войн французские солдаты. Нашли там уютную лавочку, с трех сторон окруженную кустами сирени. Уселась.

Город гудел как оркестр тибетских труб.

Где-то рядом с нами солировал соловей.

Кармела сама расстегнула мне штаны.

Села на меня верхом и обнажила грудь.

Соловей пел так громко... тибетские трубы ревели как канадские медведи... мне казалось, что земная кора под нами вот-вот треснет и из трещины вылезут французские солдаты и запоют Марсельезу... или оттуда польется раскаленная лава и поглотит нас вместе с лавочкой и сиренью. Размышлял о том, сумеет ли в этом случае соловей спастись.

Неожиданно все замолкло.

А через мгновение – как раз тогда, когда мы оба в исступлении кончали, небо взорвалось фейерверком. Фирма Кока-Кола праздновала открытие в городе своего нового филиала.

...

Дома меня дожидались жена и две маленькие дочери, а Кармелу – любящий муж и трое их мальчиков. Но ни ее, ни меня это почему-то не смущало. Наоборот, придавало нашей близости особую сладость.

Через несколько месяцев муж Кармелы ушел из семьи и сразу после развода женился на директорше фирмы, в которой работал, а моя жена с дочками уехала жить к родителям в другой город, нашла там работу, а потом, еще до нашего с ней развода, и сожителя.

Мы с Кармелой поженились. А через пять лет поссорились. И разошлись.

Какая кошка пробежала между нами? Нелепая история. Нет ничего прекраснее начала любви и нет ничего пошлее ее конца.

Произошло это в день моего рождения, точнее – ночью и утром после него.

Я к тому времени уже давно не праздновал свои дни рождения. Зачем? Эту забаву надо оставить детям и маразматикам. Пусть себе тешатся.

Как всегда на всех парах... подкатил очередной январь. Бесснежный, теплый, гнилой.

Мне исполнилось сорок два года. Я надеялся на то, что мы с женой проведем этот день вдвоем, выпьем шампанского, закусим пастилой и пораньше ляжем спать. Но Кармела заныла – «вечно мы торчим дома одни, давай пригласим хотя бы Нильса и Гудрун», ее старых знакомых, у которых мы однажды прожили четыре дня в дачном домике на озере восточнее Берлина. Катались на яхте, ели пойманных Нильсом рыбешек, слушали рассказы Гудрун о Южной Африке. Гудрун прожила три года на биологической станции в Лесото, в Драконовых горах, изучала какой-то исчезающий вид птиц, мохнатых чижиков или лысых попугаев. Насмотрелась там всякого...

С успешным адвокатом по делам недвижимости, высоким импозантным блондином Нильсом Кармела была знакома с детства, они были одноклассниками и души друг в друге не чаяли. А приехавшую в город К. после объединения Германии долговязую и худую Гудрун почти не знала, но кажется недолголюбивала. Скрытно, по-женски. Может быть ревновала к Нильсу. Так я по крайней мере думал до нашей ссоры.

Я немного завидовал успеху и богатству Нильса, а к Гудрун относился скептически благожелательно. Приглашать их домой не хотел... хвастать мне было нечем, художественная карьера буксовала, несмотря на хорошее начало и выставки, заказов было мало, жили мы с Кармелой бедно, чтобы заработать на квартплату, еду и шмотки приходилось братья за разные временные работы, о которых неприятно рассказывать друзьям за пиршественным столом... Мы действительно давно никого не приглашали в гости, и привыкшая в своей прошлой жизни быть на людях и мотаться по барам и ресторанам Кармела от этого страдала. Я захотел сделать ей приятное и согласился принять Нильса и Гудрун.

...

Накупили спиртного – на взвод солдат хватило бы.

Кармела испекла ореховый пирог с цукатами и затушила три килограмма парного мяса ягненка с овощами в розовом вине.

Гости явились в девять вечера. Элегантные, милые, хорошо одетые. Беззаботные.

Подарили мне носорога из черного дерева, привезенного Гудрун из Африки.

Сели за стол в гостиной. Пили «Лонг Айленд». Запивали шампанским. Закусывали ломтиками манго и хурмой.

Кармела принесла мясо ягненка.

В десять я был уже так пьян, что перестал понимать Гудрун, рассказывающую о проделках браконьеров в национальном парке Пиланесберг, «в котором обитают десятки тысяч диких животных». Перед глазами у меня бегали голубые слоны, лиловые ягуары и браконьеры на ходулях. В руках они держали старомодные мушкетеры. Зачем-то бешено свистели в свистки. Я зажимал уши...

Нильс и Кармела танцевали под музыку Доктора Джона. Я из вежливости пригласил Гудрун, но танцевать не смог. У меня так кружилась голова, что я не мог отличить пола от потолка.

Около полвторого ночи я обнаружил, что сижу в коридоре по-турецки на полу, что-то напеваю и глажу подаренного мне носорога...

Дома было тихо, и я решил, что гости ушли. Поставил носорога на полку, разделся, умылся, почистил зубы и лег в постель. Обнял свернувшуюся калачиком Кармелу и заснул. Ближе к утру совокупился с ней. Представлял себе, что мы ягуары, рычал и царапался. Заметил, что у Кармелы странно посинело и изменилось лицо, и ноги стали заметно худее и длиннее. Решил еще пьяным умом, что так на нее подействовал «Лонг Айленд».

...

Утром проснулся и глазам своим не поверил. У меня в объятьях нежилась не моя жена, а чужая женщина. Эта самая долговязая специалистка по зябликам и ибисам, Гудрун.

Рядом с нами чертов Нильс энергично трахал Кармелу. Сзади.

Пошел на кухню, нашел там самый большой нож и вернулся в спальню.

Хотел зарезать гостей и жену, а потом покончить с собой.

Но никого зарезать не смог, потому что раскис и расплакался, Нильс без труда отобрал у меня нож. А Кармела и Гудрун вначале успокаивали меня, а потом попытались свести все к шутке. Показывали мне языки и хихикали. Спелись, стервы. Обнялись и демонстративно сочно поцеловались.

Я смотрел на их проделки и не понимал, как я мог прожить пять лет с этой вульгарной бесстыжей бабой.

...

Через полчаса, за завтраком, Нильс божился, что я вчера вечером допился до невменяемого состояния, рыгал, рычал, прыгал, свистел, а потом ни с того, ни с сего полез к Гудрун целоваться, а затем поднял ее и унес в спальню.

Через несколько минут Нильс и Кармела зашли в спальню посмотреть, что мы там делаем. Я спал на одной стороне кровати, Гудрун – на другой. Нильс и Кармела решили, что мы дурачимся. После этого они еще долго сидели в гостиной, допивали выпивку, доедали ягненка и торт и вспоминали школьные годы. Под утро присоединились к нам. Потому что не хотели спать на полу. Мы с Гудрун в это время занимались любовью. Нильс и Кармела решили от нас не отставать...

Нильс сказал примирительно: Послушай, мы все много выпили и немного погрешили. Ты переспал с моей женой, я с твоей. Мы квиты. Не надо из этого делать трагедию.

Кармела добавила примирительным тоном: Я ничего не соображала из-за проклятого коктейля. Что случилось, то случилось. Забудь, если это тебе неприятно.

Гудрун звонко поцеловала меня в щеку и пролепетала: А ты темпераментный, просто тигр!

И все опять начали смеяться.

А мне было не смешно. Я не знал, чему верить. Подозревал, что все трое сговорились и специально напоили меня для того, чтобы устроить небольшой открытый свинг среди своих. Вспомнил, что какое-то время назад Кармела предложила мне посетить одно закрытое общество, члены которого занимались различными видами группового секса и скорчила недовольную мину, когда я ответил ей отказом и шутливо пообещал выпороть ее ремнем.

Кармела прошипела тогда: Дура, не надо было выходить замуж за зашоренного идиота... Я конечно взорвался, но Кармела меня успокоила. Даже позволила символически выпороть ее по попке ремнем. Я не бил ее, скорее гладил, а она вдруг закричала: Сильнее, сильнее хлещи!

Я раз пять хлестнул ее посильнее, а потом не выдержал, лег на нее и проник. И забыл обо всем.

Так наверное случилось бы и после ночи вчетвером. Но перед тем, как Нильс и Гудрун покинули квартиру, Кармела так скабречно посмотрела на Гудрун и так проникновенно на Нильса, что мне все стало ясно. Я ничего ей не сказал, потому что понял, что моя семейная жизнь с Кармелой кончилась.

В тот же день ходил к адвокату и начал процедуру развода. А на следующий день зашел к знакомому маклеру и снял с его помощью меблированную квартиру недалеко от главного вокзала. Получил ключи еще до подписания контракта, осмотрел квартиру и остался в ней.

Прислал за своими вещами бригаду грузчиков. Приготовил для них список того, что они должны были забрать. Мебель, обстановку и дорогую электронику оставил жене. Через полгода я уехал из города, решив никогда в него больше не возвращаться. И вот, я опять лежу на нашей старой кровати...

...

В темноте спальни мне неожиданно померещился Нильс. Он кивал своей большой головой и шептал: Это была шутка! Шутка и чудесное развлечение для взрослых. А ты схватился за нож, поссорился с женой, испортил ей и себе жизнь! Носорог!

Рядом с ним маячила долговязая Гудрун с синим лицом и рубиновыми глазами и приговаривала: Даже львы и леопарды не такие ревнивые. Если бы ты знал, милый, что вытворяют тигры по ночам...

Закрыв глаза и зажал уши. Тьма превратилась в темно-красное полотно с синими полосами, звуки скукожились. Нильс и Гудрун пропали.

Поцеловал Кармелу в губы, погладил ее поседевшие кудри. Почему-то мне показалось, что ее тело сделано из воска.

Восковая Кармела проснулась, сладко улыбнулась и тут же уснула. Как задутая свеча.

По старой привычке начал говорить с самим собой.

– Какой же я кретин! Объясни, что со мной.

– Ничего особенного. Пришел к женщине, с которой долго жил и испытал много радостей.

– Почему же я бросил ту, которую так любил?

- Обыкновенная история. Потому что она была вовсе не такой, какой ты ее себе представлял. У нее была своя жизнь, о которой ты и понятия не имел. Возможно, все пять лет, которые ты с ней прожил, она тебе изменяла с этим адвокатом.
- Да, да я убежал от нее, от этой сальной сучки. Но счастья без нее не нашел. Только с ней, только с ней я был счастлив. Какой же я идиот.
- Ты даже не представляешь себе, насколько ты прав. Задать тебе наводящий вопрос?
- Давай.
- Скажи, сколько лет твоей Кармеле? Посмотри на нее внимательно.
- Не надо меня учить, как смотреть. Около сорока пяти. Самое большое – сорок восемь.
- А сколько лет тебе?
- Мне? погоди... шестьдесят два или шестьдесят четыре, или тысячу, не помню, а что?
- А то, что твоя бывшая жена на шесть лет тебя старше. Вспомни, как она из-за этого страдала! Не водила к родителям, не ходила с тобой в театр. Даже не купалась вместе с тобой в Адриатическом море.
- Ты это к чему?
- Думай, думай. Она на шесть лет тебя старше. Значит... ей сейчас шестьдесят восемь лет. Или семьдесят. А та восковая женщина, которую ты видишь, это только проекция твоего воспоминания. Фантом.
- Не может быть.
- Может. Да, и еще одна мелочь... уверяю тебя, ты был в этом доме еще раз, после того вашего осеннего свидания.
- Я был тут еще раз? Нет.
- Был и точка.
- Когда?
- Около восьми лет назад.
- Не был.
- Нет, был. И повод был особенный. Похороны.
- Какие похороны? Не помню никаких похорон!
- Похороны твоей Кармелы, как было написано в некрологе, – «скоропостижно скончавшейся», а на самом деле – покончившей с собой из-за хронической депрессии. Удавлившейся. Прямо тут, в спальне. На поминках ты напился и приставал ко всем, подрался с Нильсом, тебя связали и положили на ту самую кровать, на которой ты сейчас лежишь. Чтобы ты никого не поранил. Кровать эту кстати выбросили на свалку через месяц после похорон.
- Повесилась?
- Да, привязала бельевую веревку к крючку для люстры. Надела петлю на шею. Встала на табуретку. И... и часть вины за это несчастье лежит на тебе.
- Как же я мог это забыть?
- Тебе так легче.
- Подрался на поминках, приставал...
- Я бы мог о тебе такое порассказать...
- А кровать выбросили?
- Выбросили.
- А на чем же я сейчас лежу?

- Спроси об этом самого себя. Свою память.
- Но ты же и есть я.
- Уверен?
- Не томи.
- Зачем мне тебя томить? Только... если кто не спрятался, я не виноват. Понимаешь, как бы это помягче сформулировать... Ты тоже умер. Тебя похоронили два года назад. И было это далеко-далеко отсюда. Тебя сожгли и похоронили в лесу, а ты все бродишь и бродишь по Земле, пугаешь живых и заражаешь трупным ядом своих фантазий этот маленький уютный мир.